

АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

ТЁМНЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ
ТЁМНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Alexandra Bracken
THE DARKEST LEGACY

*Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Writers House LLC и Synopsis LLC*

Бракен, Александра.

Б87 Темное наследие : [роман] / А. Бракен ; [пер. с англ. М. Кармановой] – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 608 с.

ISBN 978-5-17-113568-3

Неизвестный вирус порастил детей и подростков. В живых остался только каждый десятый. Но кто они теперь — изгои, запертые в лагерях? Все еще люди? Или мутанты, наделенные сверхспособностями? Руби не мечтала о суперспособностях, но теперь они у нее есть. И каждый день с их помощью она спасает других и выживает сама.

Пять лет спустя после событий, описанных в основной трилогии, Мы снова встречаемся с героями «Темных отражений». Теперь главной героиней становится Сузуми, суперспособность которой заключается в умении подчинять себе огонь.

**УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44**

ISBN 978-5-17-113568-3

© Alexandra Bracken, 2018
© М. Карманова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается Анне Джарзаб,
которая первой
полюбила этих героев
и темный их мир.
Спасибо тебе за все.*

ПРОЛОГ

Похоже, эта кровь никогда не отмоется.

Она стекала, красная, красная, красная, по моим рукам, покрытым синяками запястьям и по сбитым костяшкам пальцев. Из крана лилась вода — горячая, даже зеркало запотело. Она должна была разбавить алую жидкость до бледно-розовой, а потом и до совершенно прозрачной. Но кровь просто... не хотела останавливаться. Под водой засохшие ржаво-коричневые пятна на моей коже превратились обратно в тошнотворно-багровые. Дрожащие дорожки сбегали по раковине вниз, а сливное отверстие старательно пыталось их поглотить.

Полумрак крохотной комнаты давил на меня со всех сторон, в глазах все расплывалось. Я не отрывала глаз от корочек засохшей крови, прилипших к раковине, словно чаинки.

«Торопись, — приказала себе я. — Ты должна позвонить. Ты должна добраться до телефона».

Ноги подогнулись, и мир резко накренился. Я почти упала на раковину, ухватившись за ее гладкий край, и услышала, как под моим весом предупреждающе заскрипели кронштейны.

«Торопись, торопись, торо...»

Резкими движениями, стараясь не подавиться подступающей к горлу рвотой, я отдираала блузку от присохших к коже кровавых бляшек.

Но вот в стенах задрожали трубы, звяканье раздавалось теперь чаще и громче, завершившись финальным громким «бряк!», от которого завибрировала и раковина.

Черт! Я хлопала руками по столешнице, пытаюсь найти, куда бы собрать оставшуюся горячую воду.

— Нет-нет-нет... ну же...

Эти счетчики — эти идиотские счетчики определяли расход воды для каждого номера, не позволяя потратить впустую ни капли. Но мне было нужно больше. Хотя бы *один раз* мне было нужно, чтобы ради меня правила оказались нарушены. Кровь ощущалась на языке и зубах, стояла в горле. Каждый раз, глотая слюну, я чувствовала, как ее металлический вкус проникает все глубже. Мне нужно очиститься от этого...

Трубы гулко взвыли в последний раз, и напор в кране иссяк. Теперь оттуда сочилась лишь тонкая струйка. Схватив крохотное гостиничное полотенце, задубевшее из-за частого отбеливания, я сунула его под кран, чтобы оно впитало оставшуюся воду.

До боли стиснув зубы и пошатываясь, я наклонилась вперед — умывальник не давал мне упасть. Протерев запотевшее зеркало, я приложила мокрое полотенце к струпу на распухшей нижней губе.

Обломанные ногти, под которые забились грязь и кровь, болели при малейшем нажиме. Я смотрела на эти темно-красные полумесяцы, которые просвечивали сквозь потрескавшийся лак, не в состоянии отвести от них глаза.

И тут с мокрым шлепком в раковину упал клочок волос.

Вспыхнув слишком ярко, зажужжали дешевые флуоресцентные лампы. И в голове у меня загудело еще сильнее. Я никак не могла сообразить, что это передо мной. Маленький сморщенный кусочек плоти. Пряди, прилипшие к мокрой фаянсовой поверхности.

Волосы не были ни длинными, ни темными.

Светлые. Короткие.

Не мои.

Я открыла рот, но не смогла ни всхлипнуть, ни вскрикнуть — голос был заперт внутри. Содрогнувшись, я лихорадочно крутила краны, пытаюсь смыть улики, смыть свидетельство чьей-то пролитой крови.

— О боже, о боже...

Я бросила полотенце в пустую раковину, метнулась к унитазу и рухнула перед ним на колени. Мой желудок судорожно сжимался, но наружу ничего не вышло. Я не ела уже несколько дней.

Не поднимаясь с холодного, выложенного плиткой пола, я вцепилась дрожащими пальцами в спутанные волосы, выдирая из них колтуны.

Когда и это не сработало, вцепившись пальцами в стену, я дотянулась до раковины. Вытащив полотенце, я изо всех сил терла им волосы, а стены ванной комнаты кружились вокруг меня.

Я зажмурилась, но перед глазами неизменно всплывало другое место, другая обжигающая волна света и жара. Взмахнув рукой, я ухватилась за пустую вешалку для полотенец, как за последнюю опору.

Когда я коснулась металлических прутьев, мое предплечье пронзил острый разряд статического электричества, от которого встал дыбом каждый волосок. Разряд прокатился по коже до самого затылка. В голове еще больше загудело и завибрировало. Свет снова мигнул, и я поняла, что должна позволить этому случиться.

Но я не стала этого делать.

Я мысленно потянула за серебряную нить в своей голове, открываясь ее силе, позволяя пробежать сквозь тысячи светлых, искрящихся линий, пронизывающих тело. Голубовато-белый ослепительный жар выжигал темные мысли в моем сознании. Я уцепилась за это знакомое чувство, пронзившее меня, словно неукротимая молния. Провода в стенах отозвались одобрителем гулом.

«Я могу это контролировать», — подумала я. Это сделала не я. Не я!

Запах тлеющей штукатурки заставил меня наконец отпустить вешалку. Я прижала руку к следам копоти на грязных обоях в цветочек, забирая энергию из проводов и охлаждая изоляцию в стенах — чтобы не начался пожар. Еле слышное бормотание телевизора смолкло и в следующую секунду зазвучало снова.

«Я могу этим управлять». Я даже не испугалась или разозлилась. Все было под контролем.

Я ничего не сделала.

— Сузуми?

Я знала Романа всего ничего. Но все это время он всегда оставался спокойным и выдержанным, и ровный тон его голоса лишь несколько раз окрашивался гневом, беспокойством, предостережением. Но сейчас в нем звучало то, чего я не слышала раньше. В первый раз он произнес мое имя со страхом.

— Ты должна это увидеть! — крикнул он. — Прямо сейчас.

Я сбросила с себя испорченную блузку, швырнув ее в мусорную корзину, и в последний раз вытерла лицо влажным полотенцем, отправив его потом туда же.

Майка выглядела лучше — без пятен грязи и дыр, но совсем не защищала от потока влажного холодного воздуха, который шел из встроенно-

го прямо в окно кондиционера в нашем мотеле. На сломанных каблуках я заковыляла в комнату, зная, что юбка, уже разорванная сзади по шву, с каждым шагом расходится все сильнее. Времени, чтобы выкинуть эту одежду и найти что-то более подходящее для путешествия, у нас не было. Хотя сейчас я выглядела именно так, как и чувствовала себя — разбитой и разрушенной. Может, так и было правильно.

— Что это? — прохрипела я.

Роман застыл прямо перед телевизором, склонив голову так, что темные волосы упали на лоб. Брови нахмурены, сжатый кулак прижат ко рту. Он всегда застывал в этой позе, когда что-то задумывал. И эта картина подействовала на меня успокаивающе — хотя бы что-то стабильное в этом хаосе.

Парень не ответил. Сидевшая на кровати Приянка тоже промолчала, но ее глаза были прикованы к картинке на экране. Пытаясь остановить кровь, текущую из пореза над левым глазом, она прижимала к ране скомканную наволочку. Рукава ее желтого шелкового платья были изорваны, и от него пахло потом, кровью и, кажется, бензином. Татуировка в виде звезды на запястье смотрелась темным пятном на ее смуглой коже. Приянка не отрывала глаз от мерцающего экрана, пытаясь другой рукой перезарядить пистолет.

— Просто... смотри, — выдавил Роман, кивнув в сторону телевизора, включенного на новостном канале.

— Сейчас следователи прочесывают место, где произошел инцидент, но «пси», ответственный за гибель семерых человек, все еще не найден. Его жертвы скоро будут опознаны... — говорила ведущая, белая немолодая женщина — на лице застыло выражение ужаса и тревоги. Ее светло-розовый наряд смотрелся дико и неуместно.

Жертвы.

Гудение проводов снова наполнило мои уши. Краем глаза я заметила, как Роман повернул ко мне голову, наблюдая за моей реакцией — взгляд его голубых глаз не изменился даже тогда, когда в такт моему ускоряющемуся пульсу запульсировал экран, то выключаясь, то включаясь снова.

На меня смотрело мое собственное лицо.

Нет... *нет*. Все не так. Слова, проплывающие внизу экрана, и эта запись, которую повторяли опять и опять — это не было правдой.

Гибель семи человек.

— Мне нужен телефон, — прошептала я.

Я это сделала.

— Ты о чем? — спросила Приянка. — Тот, который ты нашла, сдох...

На церемонии времени не было.

— Тот, который ты взяла в кабинете менеджера и о котором так *кстати* забыла нам рассказать.

Она открыла рот, чтобы возразить, но я перебила ее:

— Я чувствую заряженную батарею в кармане твоей куртки.

Мертвы. Все эти люди...

Оглянувшись, Роман проследил, как Приянка швырнула свою изорванную куртку на стол.

Нет. Я могу это контролировать. Это была не я. Это была не я.

Мои пальцы сжались в кулаки. А линии электропередачи рядом с мотелем что-то шипели мне в ответ, шептали, словно соглашаясь.

Я не убивала этих людей. Мне нужно было поговорить с тем, кто мне поверит — кто готов за меня сражаться. Если мне придется силой отбирать у Приянки телефон, я это сделаю.

— Да ладно, — буркнула Приянка, посмотрев на Романа. — Чуть полнейшая. Знаешь ведь, что я могла просто...

— Не могла, — резко ответил тот и, вручая мне старый телефон-раскладушку, заглянул в мои глаза. — Это тот, кому ты готова доверить свою жизнь?

Я ответила уверенным кивком.

Я помнила наизусть всего три номера, и только один абонент, скорее всего, ответил бы уже после первого гудка. У меня так сильно тряслись руки, что, всматриваясь в крошечный черно-белый дисплей, я смогла ввести знакомые цифры только со второй попытки и нажала ВЫЗОВ.

Роман бросил на Приянку холодный взгляд, а она ответила на него пылающим. Мне пришлось повернуться к ним спиной: они сомневались, и смотреть на это было тяжело. Но сомнения мучили и меня, но я не хотела, чтобы они видели это.

Раздался лишь один гудок, затем трубку подняли, и кто-то, запыхавшись, произнес:

— Здравствуйте, это Чарльз...

И тут слова вырвались на волю.

— Это неправда — то, что говорят. Все было не так! На видео все выглядит, будто...

— Сузуми? — перебил меня Толстяк. — Где ты? Ты в порядке?

— Я знала! — Приянка рубанула ладонью воздух. — Ты позвонила одному из своих приятелей в правительстве? Тебе и правда настолько промыли мозги? Твой звонок сейчас отслеживают!

— Я знаю, — огрызнулась я.

Конечно, я рисковала, но Толстяк придумает, что делать. Скажет, с кем мне поговорить. Он всегда знал все — а теперь еще и всех. Я представляла, как он сидит в своем кабинете в Вашингтоне у огромного окна, с видом на недавно отстроенный заново Капитолий.

Но наверняка там было и другое. Камеры, которые смотрят с потолка и следят за каждым его движением. Следящее устройство в виде часов, которое он носил. Охранники за дверью.

«Да, хорошо, ладно», — соглашались мы. Сколько это продолжалось? Годы! И эти небольшие уступки мало-помалу привели нас к сегодняшнему дню. Грудь сдавило так, что я едва могла дышать, придавленная осмыслением этой правды, которая всей своей тяжестью обрушилась на меня.

— Мне нужно, чтобы ты успокоилась и внимательно меня слушала, — быстро сказал он. — Где ты? В безопасном месте? Где-то скрываешься?

Ужасное чувство зародилось в глубине моего сознания, укоренилось там, и по спине пробежала дрожь. Слова рвались на волю, как я ни пыталась прервать этот бессвязный поток или соединить их в осмысленные фразы.

— Скажи всем, что я этого не делала, — сбивчиво бормотала я. — Он пытался... Я не успела убежать — меня схватили... не знаю, как. Это был несчастный случай... самозащита.

И тут в моей голове зазвучал голос Романа, слова, что он тихо произнес в полумраке грузовика:

— *Самозащита — это не для таких, как мы.*

Внезапно я поняла это со всей кристальной ясностью.

Я не смогу этого доказать. Я знала это. Год назад был принят новый закон, и он казался таким проработанным, таким разумным. Однако я сразу почувствовала в нем опасность.

«Пси»-дети могли использовать свои способности как оружие, превращая их в смертоносную силу. Баланс сил между «пси» и обычным человеком всегда, в любой ситуации оказался бы неравным. Правительство издало законы, которые защищали нас от нападок или преследования. Для нас были разрабо-

таны особые меры безопасности. Совершенно справедливо, что такие же возможности получили и другие. В конце концов, я сама видела это бесчисленное множество раз. Среди нас было немало таких, кто не мог отпустить прошлое, забыть насилие и издевательства. Наши души все так же были наполнены гневом и болью.

День за днем мы словно балансировали на осыпающемся обрыве, пытаясь удержаться в рамках цивилизованного сотрудничества с правительством переходного периода. Оставался единственный шанс — работать сообща, потому что альтернативы не было. Мы не могли допустить, чтобы снова воцарился хаос. Тогда правительству пришлось бы все взять в свои руки, и лекарство стало бы единственным способом получить право на будущее — без какой-либо возможности выбирать. И это стало знаком того, что все зашло слишком далеко и перешло ту черту, которую мы когда-то давно провели.

Сердце гулко билось, а пот стекал по затылку.

Толстяк заговорил снова, его спокойный голос звучал непреклонно:

— Тебе нужно поехать к ближайшему полицейскому участку или КПП зоны и сдать ся. Разреши тебя связать — они должны быть уверены, что ты не причинишь им вреда. Я хочу одного — чтобы ты была в безопасности. Ты поняла?

— Что? — выдохнула я.

Всем телом, всем своим естеством я отвергала мысль о том, чтобы сдать ся, позволить заковать себя в наручники и увести. О чем он вообще говорил? Толстяк знал, каково это — оказаться в ловушке за колючей проволокой, в полной зависимости от охранников и солдат, которые ненавидят и боятся нас. Он обещал — все они обещали — что к этим временам возврата не будет, что бы ни случилось.